

Администрация Костромской области
Фонд российской государственности и 400-летия династии Романовых
Костромской государственный университет имени Н. А. Некрасова
Костромское церковно-историческое общество

РОМАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ДИНАСТИЯ РОМАНОВЫХ И РОССИЙСКАЯ КУЛЬТУРА

**Материалы конференции
Кострома, 25–26 марта 2010 года**

Кострома
2010

Ю. В. Лебедев
г. Кострома

ИСТОРИЧЕСКИЕ УРОКИ А. С. ПУШКИНА («КЛЕВЕТНИКАМ РОССИИ»)

Патриотические стихи «Клеветникам России» Пушкин написал в критических обстоятельствах, связанных с польским восстанием 1830 года. Стихи эти получили неоднозначную оценку не только у современников поэта, но и у его потомков. В новейшем издании, адресованном школьникам, Л. Г. Фризман пишет по их поводу следующее: «На протяжении десяти месяцев Польского восстания во французской палате депутатов шли ожесточенные дебаты о политике Франции в русско-польском конфликте. Либеральная часть палаты (Лафайет, Ламарк, Моген, Биньен и др.) требовали вмешательства в военные действия на стороне Польши. Был создан Комитет по оказанию помощи восставшим полякам во главе с Лафайетом. В него вошли Гюго, Беранже, Барбье, Жюльен, Делавинь, Давид. В Австрии за поддержку повстанцев выступал Кошут, в Германии – Берне и Гейне. Это и были те “клеветники России”, к которым обращено стихотворение Пушкина. Именно оно привело к разрыву его былой дружбы с Мицкевичем.

Позиция, занятая Пушкиным в отношении восставшей Польши и тех западных писателей и политиков, которые хотели ей помочь, и с наибольшей силой и определенностью выраженная в этом стихотворении, полностью совпадала с позицией Николая I. Существует мемуарное свидетельство, что оно было написано “по желанию государя”. 5-го сентября Пушкин читал его членам императорской фамилии, 7-го было подписано цензурное разрешение, а 14-го брошюра поступила в продажу. Такая быстрота может объясняться только волей царя. С. С. Уваров также был восхищен этими “прекрасными, истинно народными стихами”. Но передовое русское общество, по свидетельству А. И. Герцена, “одно время отвернулось” от Пушкина. Он вспоминал о негодовании, которое “некогда не пощадило Пушкина за одно или два стихотворения”. Отрицательную оценку “Клеветникам России” дал и Н. А. Добролюбов» [6, с. 87].

Создаётся впечатление, что Пушкин написал «заказные» стихи «на случай», содержание которых достойно осуждения. Но так ли это на самом деле? И согласуется ли такая оценка «Клеветникам России» с той, какую давал им, например, в своей монографии Г. П. Макогоненко, утверждавший, что «клеветникам России» отвечает не одинокий поэт, вдохновлённый патриотическим чувством, но поэт, почувствовавший свою кровную связь с народом» [1, с. 308].

Чтобы понять «мысль народную» в стихах Пушкина, нужно вспомнить драматическую историю отношений между Россией и Польшей.

В XIV–XVI веках, когда Россия освободилась от 300-летнего монголо-татарского ига и вела войны за свою национальную независимость, Польское королевство значительно расширило свои границы за счёт древних русских, украинских и белорусских земель, проводя в них политику социального и религиозного угнетения. В XVI–XVII веках Польша значительно превосходила Россию и по численности населения и по военной силе. Она вынашивала планы

дальнейшего расширения своих границ вплоть до присоединения к себе всей «Московии».

В смутное время начала XVII века эта мечта польских магнатов, казалось, была близка к осуществлению. Москва оказалась тогда в руках польского ставленника Григория Отрепьева, а потом королевича Владислава. И только народное ополчение во главе с Мининым и Пожарским вернуло России её государственную и национальную независимость.

После этих событий Русь крепла в тяжелейших исторических испытаниях, а Польша, раздираемая внутренними противоречиями, с каждым годом слабела, но всё ещё продолжала участвовать в общеевропейских войнах за раздел и передел границ. В результате этих войн произошло три раздела самой Польши между Пруссией, Австрией и Россией.

Земли Польши, отошедшие к Пруссии и Австрии, были онемечены жёсткой рукой. И только Россия сохранила её автономию в виде Царства Польского. Поэтому в шляхетских кругах этого Царства ещё сохранялся гордый национальный дух, но одновременно и вынашивалась мечта о великой Польше «от моря и до моря»: от Балтийского моря на севере – до Чёрного моря на юге и Днепра на востоке, с включением в состав Польши Чернигова и Киева.

«Речь Посполитая веками выступала на востоке Европы авангардом католической экспансии на православный мир, – отмечает современный белорусский историк. – Это было не просто противоборство государств, это было противоборство цивилизаций. Теряя на Западе под немецким натиском свои исконные этнические земли, польская правящая элита упорно рвалась на Восток. Потерпев поражение в этом противостоянии, она мстительно накапливала список исторических обид, счетов и претензий к России, включая в него даже проявления русского великодушия, воспринимаемого не иначе как унижение, и легко забывая собственные прегрешения перед Россией, да и вообще перед православным восточным славянством. Польские националисты всегда переносили вражду на национально-племенную, даже расовую почву, обвиняя во всех прегрешениях, и подлинных и мнимых, не правящие режимы России, а русских как таковых. Даже в самом славянстве пытались отказать великой славянской державе – единственному гаранту сохранения славянства в этом мире. Знаменитый лозунг “за нашу и вашу свободу” разделяла лишь горстка крайне левых польских революционеров. Исключение, как всегда, лишь подтверждает правило... Массе польской шляхты всегда было присуще спесивое чувство превосходства по отношению к православным, которые третировались как представители “низшей примитивной цивилизации”» [7, с. 677].

Наполеон, подчинив себе всю Европу и вступая в пределы России, обещал польской шляхте осуществить её исторические притязания. В составе наполеоновской армии Россия в лице поляков получила очень агрессивного и грозного противника, что, разумеется, обострило давний «спор славян между собою, домашний, старый спор».

Тем не менее, после поражения агрессии «двунадесяти языков» на Россию, Александр I не только простил полякам их участие в этом нашествии, но и, оставив Царство Польское в довоенных границах, даровал ему конституцию.

А затем он попал под влияние своего друга, известного польского политика Адама Чарторыйского и стал вынашивать далеко идущие сумасбродные планы.

В 1817 году московские члены Союза спасения получили из Петербурга письмо С. П. Трубецкого. В письме говорилось, что император Александр считает Польшу просвещённой европейской страной и любит только ее, а Россию ненавидит. Поэтому он решил отторгнуть русские земли и присоединить их к Польше. Наконец, презирая Россию, государь высказал намерение перенести её столицу в Варшаву. Всё это убеждало декабристов, что зло, гнетущее и разоряющее страну, заключено в Александре.

«Меня проникла дрожь, – вспоминал И. Д. Якушкин об этом собрании; – я ходил по комнате и спросил у присутствующих, точно ли они верят всему сказанному в письме Трубецкого и тому, что Россия не может быть более несчастна, как оставаясь под управлением царствующего императора; все стали меня уверять, что то и другое несомненно. В таком случае, сказал я, Тайному обществу тут нечего делать, и теперь каждый из нас должен действовать по собственной совести и собственному убеждению. На минуту все замолчали. Наконец, Александр Муравьев сказал, что для отвращения бедствий, угрожающих России, необходимо прекратить царствование императора Александра и что он предлагает бросить между нами жребий, чтобы узнать, кому достанется нанести удар царю. На это я ему отвечал, что они опоздали, что я решился без всякого жребия принести себя в жертву и никому не уступлю этой чести» [9, с. 17]. Тогда впервые в тайном обществе декабристов прозвучала мысль о цареубийстве, хотя тут же она и отрезвила большинство вольнодумцев.

В 1819 году Александр в одной из искренних бесед с Карамзиным сообщил о своём решении восстановить Польшу в её древних границах. Он мотивировал это необходимостью следовать христианским заповедям любви и самопожертвования. Карамзин пытался возражать императору, но тот не слышал возражений, упоенный собственной добротой, комплиментами иностранных государственных деятелей, славой освободителя Европы. Это «странное» желание так потрясло Карамзина, что он незамедлительно составил и лично прочел государю составленную по этому поводу специальную «Записку»:

«Государь! в волнении души моей, любящей Отечество и Вас, спешу, после нашего разговора, излить на бумагу некоторые мысли, не думая ни о красноречии, ни о строгом логическом порядке. Как мы говорим с Богом и совестью, хочу говорить с Вами.

Вы думаете восстановить Польшу *в ее целостности*, действуя как христианин, благотворя врагам. Государь! <...> Христос велит любить врагов, но Он не запретил судьям осуждать злодеев, не запретил воинам оборонять государства. Вы христианин, но Вы истребили полки Наполеоновы в России <...> Государь, ответствую Вам головою за сие неминуемое действие целого восстановления Польши. Я слышу русских и знаю их. Мы лишились бы не только прекрасных областей, но и любви к царю, остыли бы душой к отечеству, видя оное игрищем самовластного произвола, ослабели бы не только уменьшением государства, но и духом унизились бы перед другими и перед собой. Не опустел бы, конечно, дворец, Вы и тогда имели бы министров, генералов, но они служили бы

не отечеству, а единственно своим личным выгодам, как наемники, как истинные рабы... <...> Нет, Государь, никогда поляки не будут нам ни искренними братьями, ни верными союзниками. Теперь они слабы и ничтожны: слабые не любят сильных, а сильные презирают слабых; когда же усилите их, то они захотят независимости, и первым опытом её будет отступление от России, конечно, не в Ваше царствование, но Вы, Государь, смотрите далее своего века...» [2, с. 555–560].

Резкое суждение Карамзина возымело своё действие: Александр I отказался от своих планов. Но его «либеральные» замыслы свою деструктивную роль сыграли: они ещё более подогрели в среде польской шляхты горделивую историческую мечту.

И вот, после смерти Александра I, 17 ноября 1830 года началось предсказанное Карамзиным польское восстание. Депутация от восставших поляков выставила перед Николаем I ультиматум – возрождение Великой Польши «от моря и до моря» с присоединением Карпат с Чёрным морем на юге и Днепра с Киевом на востоке. Николай I отклонил это требование. Собрав во дворце Инженерного замка гвардейские части, он сообщил, что в Варшаве восстание, а в ответ на негодующие возгласы (в 1830-х годах память о поляках, которые с армией Наполеона шли против России, была ещё свежа), Николай I сказал: «Прошу вас, господа, поляков не ненавидеть. Они наши братья. В мятеже виновны немногие злонамеренные люди. Надеюсь, что с Божьей помощью всё кончится к лучшему» [8, с. 322].

12 декабря 1830 г. был обнародован царский манифест, в котором государь заявлял: «С прискорбием отца, но со спокойной твердостью царя, исполняющего долг свой, мы извлекаем меч за честь и целость державы нашей» [8, с. 323]. Так в Царство Польское для подавления восстания были введены русские войска.

В это время во французской палате депутатов начались ожесточённые прения о политике Франции в русско-польском конфликте. Был создан Комитет по оказанию помощи восставшим полякам. В некоторых французских кругах подогревались реваншистские настроения. Поддержку восставшим полякам были готовы оказать Австрия и Германия. Над Россией нависла угроза нового военного нашествия.

Пушкин, разделявший позицию Карамзина в польском вопросе, переживал эти события как личное испытание. В письме к дочери М. И. Кутузова от 9 декабря 1830 г. он сообщал: «Какой год! Какие события! Известие о польском восстании меня совершенно потрясло. Итак, наши исконные враги будут окончательно истреблены, и таким образом ничего из того, что сделал Александр, не останется, так как ничто не основано на действительных интересах России, а опирается лишь на соображения личного тщеславия, театрального эффекта и т. д. Известны ли вам бичующие слова фельдмаршала, вашего батюшки? При его вступлении в Вильну поляки бросились к его ногам. Встаньте, сказал он им, помните, что вы русские. Мы можем только жалеть поляков. Мы слишком сильны для того, чтобы ненавидеть их, начинающаяся война будет войной до истребления – или по крайней мере должна быть таковой. Любовь к отечеству в душе поляка всегда была чувством безнадежно-мрачным. Вспомните их поэта Мицкевича. – Всё это очень печалит меня. Россия нуждается в покое. Я только что

проехал по ней. <...> Народ подавлен и раздражен. 1830-й год – печальный год для нас! Будем надеяться – всегда хорошо питать надежду» [3, с. 421–422].

Вспоминали, что граф Комаровский встретил тогда Пушкина на улице и спросил, почему у него такой расстроенный вид. – «Разве Вы не понимаете, что теперь время чуть ли не такое же грозное, как в 1812 году?» – ответил поэт. Он давно был убеждён, что «Европа, в отношении России, столь же невежественна, как и неблагодарна» [3, с. 306].

«Клеветникам России» Пушкин написал 16 августа 1831 года, за несколько дней до взятия русскими войсками Варшавы, которое совершилось в годовщину Бородинского сражения 26 августа. Стихотворение это увидело свет в брошюре «На взятие Варшавы», в которой Пушкин поместил ещё одно, связанное с этими событиями, – «Бородинская годовщина».

Называя внутреннюю войну с Польшей «домашним старым спором», Пушкин надеялся на возможность восстановления братского союза славян между собою. Дружба с Адамом Мицкевичем убеждала Пушкина в том, что такой союз возможен. Однако опубликованные стихи привели к непримиримому разрыву. Мицкевич их Пушкину не простил. Скептически отнёсся к иллюзиям Пушкина на этот счёт и его русский друг П. А. Вяземский, записавший в своём дневнике: «Что было причиной всей передраги? Одна, мы не сумели заставить поляков полюбить нашу власть... При первой войне, при первом движении в России Польша восстанет на нас или должно будет иметь русского часового при каждом поляке. Есть одно средство: бросить Царство Польское, как даём мы отпускную негодяю, которого ни держать у себя не можем, ни поставить в рекруты...» [8, с. 327].

Как ни странно может показаться на первый взгляд, но глубокую народность пушкинских стихов почувствовал П. Я. Чаадаев. 18 сентября 1831 года он писал: «Я только что прочёл ваши два стихотворения. Друг мой, никогда ещё вы не доставляли мне столько удовольствия. Вот вы, наконец, и национальный поэт; вы, наконец, угадали своё призвание. ... Стихотворение к врагам России особенно замечательно; это я говорю вам. В нём больше мыслей, чем было высказано и осуществлено в течение целого века в этой стране. ... Не все здесь одного со мною мнения, вы, конечно, не сомневаетесь в этом, но пусть говорят, что хотят, – а мы пойдём вперёд...» [3, с. 205].

Пришла пора и нам вспомнить историософские уроки Пушкина...

О чем шумите вы, народные витии?
 Зачем анафемой грозите вы России?
 Что возмутило вас? волнения Литвы?
 Оставьте: это спор славян между собою,
 Домашний, старый спор, уж взвешенный судьбою,
 Вопрос, которого не разрешите вы.
 Уже давно между собою
 Враждуют эти племена;
 Не раз клонилась под грозою
 То их, то наша сторона.
 Кто устоит в неравном споре:
 Кичливый лях или верный росс?!

Славянские ль ручьи сольются в русском море?
Оно ль иссякнет? вот вопрос.

Оставьте нас: вы не читали
Сии кровавые скрижали;
Вам непонятна, вам чужда
Сия семейная вражда;
Для вас безмолвны Кремль и Прага;
Бессмысленно прельщает вас
Борьбы отчаянной отвага –
И ненавидите вы нас...

За что ж? ответствуйте: за то ли,
Что на развалинах пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, под кем дрожали вы?
За то ль, что в бездну повалили
Мы тяготеющий над царствами кумир
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и мир?

Вы грозны на словах – попробуйте на деле!
Иль старый богатырь, покойный на постеле,
Не в силах завинтить свой измайльский штык?
Иль русского царя уже бессильно слово?
Иль нам с Европой спорить ново?
Иль русский от побед отвык?
Иль мало нас? Или от Перми до Тавриды,
От финских хладных скал до пламенной Колхиды,
От потрясенного Кремля
До стен недвижного Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля?
Так высылайте ж нам, витии,
Своих озлобленных сынов:
Есть место им в полях России,
Среди нечуждых им гробов [4, с. 222–223].

Библиографический список

1. Макогоненко Г. П. Творчество А. С. Пушкина в 1830-е годы (1830–1833). Л., 1974.
2. Муравьев Владимир. Николай Карамзин. М., 2005.
3. Пушкин А. С. Полн. собр. соч. : В 17 т. – Т. 14. М., 1941.
4. Пушкин А. С. Собр. соч. : В 10 т. – Т. 3. М., 1963.
5. Пушкин А. С. Собр. соч. : В 10 т. – Т. 7. М., 1964.
6. А. С. Пушкин. Школьный энциклопедический словарь. М., 1999.
7. Трещенок Я. И. Михаил Осипович Коялович и его время // М. О. Коялович. История русского самосознания. По историческим памятникам и научным сочинениям. Минск. 1997.
8. Тыркова-Вильямс Ариадна. Жизнь Пушкина.: В 2 т. – Т. 2. М., 1999. (ЖЗЛ).
9. Якушкин И. Д. Записки, статьи, письма. М., 1951.